

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантазмагории в бременском винном погребке. Осенний подарок друзьям вина, стр. 12

флот бороздит Архипелаг, переправляя в Грецию тысячи воинов, королевская орифламма приближается к стамбульскому берегу, и в первых рядах развевается австрийский стяг? Да, для такого сражения я бы охотно опять сел на коня, извлек бы мой добрый меч Дюрандаль и затрубил бы в призывный рог, чтобы все герои, что покоятся в могиле, встали из гроба и вместе со мной ринулись в бой с турками.

– Благородный рыцарь, – отвечивал я, краснея за наше поколение, – времена изменились. При теперешнем положении вас, вероятно, арестовали бы как демагога, потому что ни габсбургских знамен, ни орифламмы, ни британской арфы, ни испанских львов в теперешних сражениях не видно.

– Кто же, если не они, вступили в таком случае в бой с полумесяцем?

– Сами греки.

– Греки? Неужели? – воскликнул Иоанн. – А другие государства? Чем же заняты другие государства?

– Их послы еще не отозваны из Порты.

– Смертный, что ты говоришь? – застыв от удивления, спросил Роланд. – Кто может оставаться безучастным, когда где-нибудь народ отстаивает свою свободу? Пресвятая богородица, что делается на свете! Поистине камни и те возопили бы!

Произнеся последние слова, он от ярости так сжал кубок, словно тот был не из серебра, а из олова, и вино брызнуло на своды. Загремев, встал рыцарь из-за стола, взял свой щит и длинный меч и громяющим шагом вышел из зала.

– Ну и гневливый же кумпан каменный Роланд, – когда с шумом захлопнулась дверь, пробормотала Роза, стряхивая с косынки капли вина. – Ишь что выдумал, каменный дурень, – на старости лет собрался воевать. Покажись он только да при таком росте, его тут же без всякого разговора упекут правофланговым в Бранденбургский гренадерский полк.

– Девица Роза, – сказал Петр, – он гневлив, это верно. Он мог бы, конечно, выйти отсюда по-иному, но, вспомните, ведь он был в свое время Гипово, неистовым; раздавить серебряный кубок или обрызгать вином даму, это что, он и не то еще выкидывал. Разобравшись как следует, я не могу посетовать на него за горячность; ведь в свое время он тоже был человеком, да к тому же еще славным паладином великого короля, храбрым рыцарем, который, захоти того Карл, один ринулся бы в бой против тысячи мусульман. Ему стало стыдно, вот он и разгневался.

– А ну его, каменного великана! – сказал Бахус. – Меня он стеснял, да, стеснял. Этот олух в нашу компанию не годится, он все время с насмешкой взирал на меня с высоты своих десяти футов. Только бы помешал нашему веселью, испортил бы мне все удовольствие. Ничего у нас из танцев не вышло бы, где уж ему при его-то негнущихся каменных ногах пускаться в пляс, тут же и свалился бы.

– Ура, ура! Танцы, ура, танцы! – закричали апостолы. – Валтасар, давай музыку!

Иуда встал, надел огромные перчатки с крагами, доходившими ему до локтя, церемонно поклонился девице Розе и сказал:

– Высокочитимая и прекраснейшая девица Роза, осмелюсь просить вас об особой чести – подарить мне первый...

– *Manum de...* – осадил его патетическим жестом Бахус. – Бал аранжирован мною, посему я должен его открыть. Вы, милостивый государь, танцуйте с кем вам будет угодно, моя Розочка будет танцевать со мной. Правда, сокровище мое?

Она, покраснев, присела в знак согласия, а Иуду апостолы подняли на смех. Меня бог вина подозвал величественным жестом.

– Доктор, вы музицировать умеете? – спросил он.

– Немного.

– С такта не собыетесь?

– Нет, с такта не собьюсь.

– Ну тогда берите этот бочонок, садитесь рядом с Валтасаром Бездоннером, управителем здешнего погреба и кларнетистом. Возьмите в руки вот эти деревянные бочарные молоточки и аккомпанируйте ему барабанной дробью.

Я был удивлен, однако согласился, правда, нехотя. Но если мой барабан был несколько необычен, то инструмент Валтасара был и того удивительнее: вместо кларнета он сунул в рот железный кран от сорокаведерной бочки. Рядом с ним уселись Варфоломей и Иаков с огромными воронками для вина, которые они приспособили под трубы, и ожидали, когда будет дан знак к началу. Стол отодвинули к сторонке, Роза и Бахус приготовились к танцу. Он махнул рукой, и грянула ужасающая, визгливая, фальшивая, оглушительная музыка, в такт которой я барабанил по бочонку.

Валтасар дудел в свой кран, который гудел и свистел, как дудка ночного сторожа. Чередовались только два тона: основной и противный пискливый фальцет. Оба трубача до отказа надули щеки, но извлекали из своих инструментов лишь робкие жалобные звуки, от которых щемило сердце, как от тех звуков, что издают морские раковины, когда в них трубят тритоны.

Танец, который исполняли Роза и Бахус, вероятно, был в ходу лет двести тому назад. Она взялась за юбку и растянула ее в обе стороны так, что стала похожа на большую толстую бочку. Стоя на месте, она перебирала ногами, то поднимаясь на цыпочки, то приседая в книксене. Зато ее кавалер, волчком вертевшийся вокруг нее, проявлял куда больше живости; он подпрыгивал, выделявая всякие смелые пируэты, прищелкивал пальцами и выкрикивал: гоп-ля, гоп-ля-ля! Забавно было смотреть на развешивающийся во все стороны передничек девицы Розы, повязанный ему Валтасаром, на его дрыгающие ноги и на широкую веселую улыбку.

Наконец он как будто устал, он подозвал Иуду и Павла и что-то им шепнул. Они сняли с него передник и, взявшись за оба конца, принялись его тянуть и тянули, пока он не растянулся в целую простыню. Потом они позвали остальных, расставили их вокруг простыни и велели ваяться за ее край. «Так, теперь они, должно быть, начнут ко всеобщему удовольствию качать старика Валтасара, – подумал я. – Были бы своды повыше, а то, чего доброго, он еще разобьет себе голову». Тут Иуда и силач Варфоломей подошли к нам и схватили... меня. Валтасар Бездоннер язвительно усмехнулся. Я дрожал, я сопротивлялся, напрасно. Иуда крепко схватил меня за горло и грозился задушить, если я не перестану упираться. Я чуть не потерял сознание, когда они под общие ликующие крики положили меня на простыню, но я все же взял себя в руки. «Только не очень высоко, благодетели мои, не то я расшибу о подволоку череп», – в страхе взмолился я. Но они смеялись и перекрикивали меня. Тут они начали раскачивать простыню, а Валтасар трубил в воронку; меня бросало то вверх, то вниз; сначала на три-четыре, пять футов. Вдруг они стали подбрасывать сильнее, я взлетел наверх и... сводчатый потолок раздвинулся, словно облако, я летел все выше, теперь уже над крышей ратуши, все выше, выше соборной колокольни. «Да, теперь тебе конец, теперь, если упадешь, сломашь шею, в лучшем случае руки или ноги! – думал я. – Боже мой, представляю себе, как она посмотрит на калеку! Прощай, прощай жизнь, прощай любовь!»

Наконец я достиг высшей точки полета и теперь с той же стремительностью стрелой полетел вниз. Трах! Вниз, сквозь крышу ратуши, вниз, сквозь своды погреба. Но упал я не на простыню, а прямо на стул и вместе со стулом грохнулся навзничь на пол.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Некоторое время я лежал, оглушенный падением. Сильная боль в голове и холодный пол наконец привели меня в чувство. Вначале я не понимал, свалился ли я дома с постели или лежу в каком-то другом месте. Наконец я вспомнил, что свалился откуда-то с большой высоты. Я с опаской ощупал себя, руки, ноги, все цело, только голову ломило от падения. Я поднялся, огляделся. Я был в каком-то сводчатом помещении, в подвальный люк проникал тусклый свет, на столе с неубранными стаканами и бутылками чуть мерцала свеча при последнем издыхании, вокруг стола стояли стулья, а перед каждым стулом – пробные штофики с длинной полоской бумаги на

[Назад](#) << [1](#) ... [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) 12 [13](#) [14](#) >> [Дальше](#)